

АСЯ
ВЕРНАДСКАЯ

КОНТРАКТ С изгоем

современный любовный роман

Ася Вернадская
Контракт с Изгоем

«Литнет»

2026

Вернадская А.

Контракт с Изгоем / А. Вернадская — «Литнет», 2026

НОВИНКА «Бывшие. Осколки разбитого сердца» — Ты странная, Тая. Не боишься смотреть мне в глаза. Я боюсь. Но ещё больше боюсь потерять клинику, которую создал мой дед. Без денег дети-инвалиды останутся без помощи. А у меня есть только одна валюта — я сама. — Ты выходишь за меня замуж, — говорит он, и это совсем не вопрос. Леонид Морозов — олигарх, которого весь город считает убийцей. Фиктивный брак с ним спасёт мою клинику, а его дочь от органов опеки. Никаких чувств. Никаких иллюзий. Год — и мы разбежимся. Только почему с каждым днём мне всё труднее помнить, что это просто игра? *18+. Осторожно: нецензурная лексика, откровенные сцены и мужчина, от которого невозможно оторваться. *Вас ждёт♥#Властный мужчина♥#Невинная героиня♥#Сильные чувства♥#Обязательный ХЭ! Главы ЕЖЕДНЕВНО

© Вернадская А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Визуализация 1	11
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
Визуализация 2	40
Глава 13	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1

Вы когда-нибудь замечали: человек, у которого нет выбора, перестаёт бояться?

Я стояла на пороге особняка, который в городе называли не иначе как «Логово». Трёх-этажный монстр из чёрного стекла и бетона, окружённый высоченным забором, прятался в сосновом бору на «местной Рублёвке», как её называли жители нашего города. Часы на приборной панели моего старенького «Пежо» показывали 21:58. Я приехала на двадцать минут раньше и всё это время сидела в машине, сжимая руль и глядя на стальные ворота с гербом в виде взбешённого волка.

Всё, что я знала о Леониде Морозове, умещалось в короткую, но ёмкую характеристику, которую вчера выдал мой дядя, главный бухгалтер нашего реабилитационного центра: «Сво-лочь редкостная. Скупает всё, до чего дотянется. И ты же слышала, что там с его женой случи-лось? С балкона выпала. Третий этаж. Суд сказал — самоубийство. Только кто ж в это пове-рит? У неё ребёнок маленький оставался, такие с собой не кончают. Ты к нему не суйся, Тая. Я сам поеду. Тут мужик должен разбираться».

Но дядя Игорь был отцом троих детей. Если Морозов в припадке гнева решит выкинуть переговорщика в окно, пусть это буду лучше я.

Я поправила воротник скромного шерстяного пальто, единственного приличного в моём гардеробе. Под ним была та же одежда, что и днём в клинике: водолазка и удобные брюки. Жеманные платья и каблуки были не про меня. Я врач-реабилитолог. Моё оружие — руки и голос.

Въехать на территорию частной резиденции сходу не вышло. Пришлось назвать секрет-ный код, продиктованный вчера сухим женским голосом, и предъявить паспорт в будке охраны. КПП напоминал пункт пропуска на режимном объекте. Двое ребят в чёрной форме проверили даже доннышко моей машины на наличие «сюрпризов».

К парадному входу я подходила пешком, оставив машину на гостевой стоянке. Гранитные ступени, подсвеченные снизу, блестели после дождя. В чёрном полированном камне отражался месяц. Я поймала себя на мысли, что подниматься по этим ступеням, на которые когда-то упала насмерть женщина, жутковато. Я невольно подняла голову, разглядывая балкон на третьем этаже. Там горел свет. Интересно, он специально оставил эту комнату жилой? Или ему всё равно?

Дверь открылась прежде, чем я коснулась звонка.

— Мещерина? — на пороге стоял мужчина лет сорока пяти в безупречном сером костюме, с лицом человека, привыкшего решать чужие проблемы, но при этом оставаться в тени. — Проходите. Леонид Андреевич ждёт.

Секретаря звали Марк. Он провёл меня через холл, где эхо моих шагов терялось где-то под высоким потолком. Везде было чисто и холодно. Ничего лишнего. Ни одной картины на стенах. Ни одной живой души, кроме нас.

Я ожидала, что меня проведут в кабинет или гостиную. Но Марк остановился у массив-ной двери, ведущей, судя по звукам, в бассейн.

— Подождите здесь, — кивнул он на кожаный диван у стены. — Леонид Андреевич освободится через несколько минут.

Я села. Минуты тянулись. Я прокручивала в голове речь, которую репетировала всю дорогу. «Леонид Андреевич, мы понимаем, что аренда повышена согласно рыночным усло-виям. Но наша клиника — благотворительная. Мы существуем на пожертвования. Всё, что зарабатываем, уходит на новое оборудование для детей с ДЦП и аутизмом...» Звучало жалко даже для меня самой.

Прошло пятнадцать минут. Из-за двери бассейна доносились ритмичные всплески воды и чьи-то тяжёлые вздохи. Затем всё стихло.

Дверь распахнулась.

В проёме стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, с мокрыми тёмными волосами, зачёсанными назад. На нём были только чёрные плавательные шорты, и я на мгновение растерялась, увидев столько открытой кожи. Тело у него было... опасное. Не культуристические горы мышц, а сухая, жилистая мощь хищника. Через левое плечо шёл тонкий белый шрам, похожий на след от удара ножом.

Взгляд зацепился за него сам собой. Врачебная привычка — оценивать повреждения. Удар пришёлся сверху вниз, под ключицу. Сантиметр в сторону — и задета подключичная артерия. Ещё пара сантиметров — лёгкое. Кто-то очень хотел его убить.

Но главным были глаза. Тёмно-карие, почти чёрные, они смотрели на меня с ледяным безразличием. Он вытер голову полотенцем, бросил его на руки подоспевшему Марку и только потом поднял на меня взгляд.

— Вы кто? — голос низкий, с хрипотцой, словно он только что отдышался после заплыва. В нём не было ни злости, ни приветствия. Полное безразличие.

— Таисия Мещерина, — я встала, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мы договаривались. По поводу аренды...

— А, — он коротко кивнул, словно вспомнил о существовании мухи, которую надо прихлопнуть. — Мещерина. Идите за мной.

Он развернулся и пошёл босиком по мраморному полу, даже не оглядываясь, следуя ли я за ним. Мне ничего не оставалось, кроме как идти следом. Мокрые следы его ступней оставались на камне, и я глупо смотрела на них, пытаюсь унять колотящееся сердце.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в комнату, которая больше напоминала спа-салон, чем жилое помещение. Там было тепло, пахло хвоей и эвкалиптом. Он прошёл вглубь, встал у панорамного окна, выходящего в тёмный лес, и накинул на плечи белый махровый халат. Только после этого он обернулся и, наконец, соизволил жестом указать мне на кресло.

Я села. Оно оказалось слишком глубоким и мягким, я чувствовала себя в нём маленькой и неловкой. Он же остался стоять, возвышаясь надо мной. Классический приём доминирования. Я работала с трудными подростками и знала эту тактику.

— Слушаю, — сказал он, затягивая пояс халата.

— Леонид Андреевич, — начала я, стараясь говорить спокойно и уверенно. — Я представляю реабилитационный центр «Мещерин». Мы арендуем здание на улице...

— Я знаю, где находится это здание, — перебил он. — Я теперь его владелец. И что?

— Новый договор аренды, который вы нам прислали... сумма в пять раз превышает предыдущую.

— Ну и? — он приподнял одну бровь. В его взгляде не было ни намёка на сочувствие. Скорее скука.

— Мы не можем платить столько, — выдохнула я. Решила бить прямо. — Наша клиника благотворительная. Деньги идут на закупку оборудования. Экзоскелеты, тренажёры с биологической обратной связью... Это не мои прихоти, это жизнь детей. Если мы не сможем платить аренду, нам придётся закрыться.

Он молчал. Секунд тридцать он просто изучал меня. Взгляд у него был тяжёлым, физически ощутимым. Я выдержала его, не опустив глаз.

— Красивая история, — наконец произнёс он. В его голосе не было насмешки. Констатация факта. — Рынок не знает слова «благотворительность». Я купил этот актив. Я хочу получать с него прибыль. Это бизнес.

— Но дети...

— Дети — это ваша проблема, Таисия, — резко оборвал он. — Не моя.

Он прошёл мимо меня к мини-бару, налил себе виски в тяжёлый стакан. Не предложил мне. Сделал глоток и снова уставился в окно.

— У меня нет денег, — тихо произнесла я. — У клиники нет денег. Я приехала просить вас о рассрочке или пересмотре ставки. Мы могли бы... я могла бы отработать. Лично. Вам случайно не нужен реабилитолог? — я сама понимала, как глупо это звучит. Какой реабилитолог олигарху?

Он медленно повернул голову. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на интерес.

— Отработать? — переспросил он, смакуя слово. — Вы даже не знаете, как я могу предложить вам отработывать.

Я внутренне сжалась, но не подала виду. Сплетни о его жене вспыхнули в памяти с новой силой. Говорят, она боялась высоты. Зачем ей идти на балкон?

— Я готова рассмотреть любые варианты, — бросила я. — Лишь бы клиника продолжала работать.

Морозов поставил стакан на стойку. Подошёл ко мне почти вплотную. Я чувствовала запах хлора и дорогого виски, смешанный с чистым запахом мужской кожи. Он наклонился, упёршись руками в подлокотники моего кресла, заключая меня в ловушку.

— Любые варианты? — его голос стал тише, интимнее, отчего по спине пробежал холодок. — Осторожнее со словами, Таисия. Я могу воспринять их буквально.

Я ловила каждое движение его карих глаз с расстояния вытянутой руки. В них не было похоти. Там была холодная, расчётливая проверка. Он проверял меня на прочность. Или на глупость.

— Я имела в виду профессиональную деятельность, — чётко произнесла я, заставляя себя не отводить взгляд. — Я врач.

Он разглядывал меня ещё мгновение, а затем резко выпрямился. Уголок его губ дёрнулся в намёке на усмешку.

— Жаль, — произнёс он.

Жаль? Что именно жаль? Что я не клюнула?

— Ладно. У меня нет времени на ваши проблемы. Марк вас проводит. Если у вас появятся деньги — милости просим. Не появятся — через два месяца выселение.

Он развернулся и пошёл к выходу из спа, оставляя меня одну в кресле. Я сидела, чувствуя, как отчаяние ледяной волной накрывает меня с головой. Я проиграла.

— Леонид Андреевич! — окликнула я, вскакивая.

Он остановился в дверях, не оборачиваясь.

— У меня нет денег. Но вы сказали «любые варианты». — Я сама не верила, что говорю это. — Я знаю, что вы не просто бизнесмен. У вас репутация... не сахар. Но раз вы меня приняли, значит, вам зачем-то это нужно. Скажите прямо. Чего вы хотите?

Тишина повисла в комнате. Он медленно обернулся. Теперь в его взгляде не было скуки. Там было что-то другое. Опасное. Изучающее.

— Вы правы, — произнёс он после долгой паузы. — Возможно, мне действительно понадобится ваша помощь. Но не сегодня. Сейчас поезжайте домой и выспитесь. Завтра в десять утра Марк будет у вашего подъезда. Тогда и поговорим.

Глава 2

Всю ночь мне снились волки.

Они кружили вокруг моего старенького «Пежо», скалили жёлтые клыки, били хвостами по машине. Я жала на газ, но машина не двигалась, а волков становилось всё больше, и их глаза были красными.

Проснувшись я в семь утра с колотящимся сердцем и твёрдым убеждением, что сегодня скажу «нет».

К чёрту эту авантюру. К чёрту Морозова с его ледяными глазами и таинственными намёками. Я врач, а не авантюристка. Пусть дядя Игорь сам разбирается с арендой. Пусть клинику закрывают. Я найду другую работу, буду ходить по вызовам, собирать деньги на оборудование через благотворительные фонды.

Ровно в десять под окнами раздался тихий автомобильный гудок.

Я выглянула в окно. У подъезда стоял чёрный «Мерседес». Рядом с ним, прислонившись к капоту, ждал Марк в своём неизменном сером костюме. Он посмотрел прямо на моё окно, будто знал, что я наблюдаю, и вежливо кивнул.

Джинсы, свитер, тёплое пальто. Никаких платьев и каблучков. Я спустилась через пять минут.

— Доброе утро, Таисия Сергеевна, — Марк открыл передо мной заднюю дверь. — Хорошо спали?

— Ужасно, — честно ответила я, садясь в салон. — А вы?

— Я не сплю, — усмехнулся он. — Работа такая.

Машина плавно тронулась. За окном проплывал серый ноябрьский город, лужи, слякоть, люди в очереди на остановках. А я ехала в «Логово» к человеку, которого все боялись.

Я уставилась на слякоть за окном и думала о дяде Игоре, который лишится работы, об аппарате ИВЛ, который мы так и не купили, о бабушке, которая привела ко мне внука-аутиста и заплатила последние пятьсот рублей. Рациональный мозг спорил с ночным кошмаром. И рациональный мозг пока выигрывал.

— Марк, — спросила я, когда мы выехали на «Рублёвку». — А вы давно у него работаете?

— Десять лет.

— И как он... нормальный?

Марк глянул на меня в зеркало заднего вида. В его взгляде мелькнуло что-то странное. То ли предостережение, то ли насмешка.

— Сложный вопрос. Я до сих пор не решил.

Больше я не спрашивала.

В особняке сегодня было по-другому. Вчера здесь царил стерильный холод, а сегодня, несмотря на ту же идеальную чистоту, воздух казался напряжённым, будто перед грозой.

Марк провёл меня в кабинет на втором этаже. Массивная дверь из тёмного дерева, никаких опознавательных знаков. Внутри были огромный стол, кожаные кресла, стены, увешанные дипломами и фотографиями каких-то строек. И ни одного семейного снимка.

Морозов сидел за столом. Сегодня он был в идеальном тёмно-синем костюме, белоснежной рубашке, тёмные волосы уложены. Перед ним лежала стопка документов.

— Садитесь, — кивнул он на кресло.

Я села. Он задержался на мне глазами несколько секунд, и я снова почувствовала этот взгляд — рентгеновский, сканирующий, оценивающий.

— Спасибо, что приехали, — неожиданно сказал он.

— У меня не было выбора, — ответила я честно.

— Выбор есть всегда, — возразил он. — Просто иногда цена одного выбора выше, чем другого.

Он помолчал, словно решая, стоит ли продолжать. Потом откинулся в кресле и посмотрел куда-то в сторону, за окно.

— У меня есть дочь семи лет Алиса. Полтора года назад она потеряла мать. С тех пор она не говорит. Я таскал её по лучшим клиникам мира. Швейцария, Германия, Израиль. Светила разводили руками и брали деньги. Результат — ноль. Она закрылась, и похоже, её это устраивает.

Я молчала, чувствуя, как внутри закипает профессиональный интерес. Перед глазами встали дети из моей клиники — аутисты, мутисты, те, кто смотрит на мир сквозь стеклянную стену. Я знала этот взгляд. И знала, сколько сил нужно, чтобы его пробить.

Он подвинул ко мне папку.

— Прочтите.

Я открыла. Внутри были документы. Исковое заявление от Корсаковых Ильи и Ренаты — родителей Елизаветы, его умершей жены. Документы из органов опеки. Ходатайство о временной передаче ребёнка.

Я вчитывалась и чувствовала, как холодеет внутри. Они обвиняли Морозова в «асоциальном образе жизни», «затворничестве», «неспособности обеспечить нормальную социализацию ребёнка». И главное — «моральной нестабильности, ставящей под угрозу психическое здоровье внушки».

— Они хотят забрать вашу дочь, — выдохнула я, поднимая глаза.

— Они хотят меня уничтожить, — поправил Морозов. — Алиса — просто инструмент. Способ добраться до меня.

— Но в документах всё выглядит... логично, — осторожно произнесла я. — Вы действительно живёте затворником. У вас нет близких. Ребёнок не говорит полтора года. Суд может...

— Суд может встать на их сторону, — перебил он. — Если я не докажу, что способен обеспечить Алисе нормальную жизнь. Семью. Мать.

Последнее слово он произнёс с нажимом, и его взгляд впился в меня.

— И что вы хотите от меня? — спросила я прямо.

— Чтобы вы стали моей фиктивной женой, — кивнул он. — А для Алисы — другом. Насколько сможете.

— Фиктивная жена? — я моргнула, думая, что ослышалась. — Вы серьёзно?

Он пододвинул ко мне ещё один документ — проект брачного контракта.

— Год. Вы живёте в моём доме. Занимаетесь Алисой как реабилитолог. Сопровождаете меня на мероприятиях, где нужно появляться с супругой. Ведёте хозяйство, если хотите, или не ведёте. У нас есть персонал. Главное — присутствие.

— А взамен?

— Ваша клиника получает здание и землю в безвозмездное пользование. Никакой аренды. Никаких долгов. Я финансирую закупку любого оборудования, которое вы сочтёте необходимым. Любые тренажёры, любые расходники, любые зарплаты. Всё, что нужно.

Я перебаривала услышанное, не находя слов.

— А через год?

— Через год, если суд оставит Алису мне, мы разведемся. Вы получите здание клиники в полную собственность. Дарственная будет оформлена сразу после решения суда.

— А если суд решит не в вашу пользу?

— Мне плевать на здание, если не будет Алисы. Оно мне станет напоминанием о провале. Пусть лучше достанется тому, кто пытался помочь.

Я смотрела в его тёмно-карие глаза и пыталась найти подвох. Слишком идеально. Слишком щедро.

— Почему я? — спросила я. — Вы могли нанять актрису. Профессионалку по фиктивным бракам.

— Актрису? — он усмехнулся. — Опекун проверит всё. Биографию, репутацию, соцсети, даже старых знакомых. Мне нужна женщина без прошлого. Идеальная.

— Я не идеальная.

— Вы врач, — начал он загибать пальцы. — Работаете с детьми с особенностями развития. Никогда не были замужем. Нет судимостей. Нет долгов. Ваш дед — профессор Мещерин, легенда реабилитации. Ваша клиника — благотворительная. Вы — подарок для опеки.

— А Алиса?

— Алиса — главная причина, — он сжал челюсть. — Вы очень хороший врач. Вы сможете ей помочь. Я надеюсь.

В кабинете повисла тишина. Я смотрела на документы, на его руки, сцепленные в замок, на лёгкую тень под глазами.

— Я могу подумать? — спросила я.

— Сколько?

— До завтра.

Он кивнул.

— Хорошо. Завтра в десять Марк заедет. Если решите отказаться — просто не выходите. Я пойму.

Я встала. Уже у двери обернулась.

— Леонид Андреевич... А если я не смогу ей помочь? Если Алиса так и не заговорит?

Тишина затянулась. Настолько, что я успела сосчитать удары своего сердца — раз, два, три, четыре...

— Тогда мы хотя бы попробовали, — ответил он. — Это больше, чем ничего.

Я вышла из особняка, и только на улице поняла, что всё это время не дышала. Воздух показался непривычно холодным после духоты его кабинета.

— Ты с ума сошла, — сказала я себе, садясь в машину. — Ты правда думаешь об этом? Чёрт бы побрал этого Морозова.

Визуализация 1

Дорогие мои, давайте знакомиться с героями.

Таисия Мещерина, 28 лет

Врач-реабилитолог. Живёт работой и клиникой, которая держится на её энтузиазме. Прямая, честная, не умеет флиртовать и строить глазки. Из тех, кто скорее ударит, чем прогнётся.

Леонид Морозов (Лео), 37 лет

Олигарх, которого в городе называют Изгоем. Владелец половины недвижимости города, но живёт затворником в своём «Логове». Вдовец — жена выпала с балкона при загадочных обстоятельствах. Все уверены, что убил он. В одиночку воспитывает семилетнюю дочь Алису, которая после смерти матери замолчала полтора года назад. Холодный, жёсткий, опасный.

Глава 3

В больнице, где лежал дед, меня узнали, едва я переступила порог.

— Таечка приехала! — медсестра Надя всплеснула руками. — А мы уж думали, не успеете. Ему сегодня совсем плохо.

Я бежала по коридору, сжимая в руках пакет с мандаринами. Он любил мандарины, говорил, что они пахнут детством. Надя догнала меня уже у дверей палаты:

— Таечка, ты это... не корми его пока, — она понизила голос. — Ему нельзя. Врач сказал, только вода. Слабость сильная, сердце барахлит.

— Хорошо, Надь, — кивнула я. — Я просто посижу рядом.

Я влетела в палату, с грохотом распахнув дверь.

Дед лежал на кровати, бледный, осунувшийся, под капельницей. Рядом пищал кардиомонитор. Но глаза. Глаза были живые, добрые, мои.

— Тая, — прошептал он. — А я тебя ждал.

Я села рядом, взяла его сухую горячую ладонь в свои руки. Кожа в старческих пятнах, венозные катетеры, знакомый запах больницы и лекарств.

— Деда, ну что ты опять? Врачи говорят, ты себя не бережёшь.

— Врачи много говорят, — усмехнулся он и закашлялся. — Ты лучше рассказывай. Что у тебя? Как клиника?

Я помолчала. Говорить ему правду — про долги, про угрозу закрытия — значило добить. Не говорить — врать.

— Всё сложно, деда, — осторожно начала я. — Ну ничего, мы справимся. Ты главное не волнуйся.

Старик закрыл глаза. Помолчал.

— Землю выкупил Морозов? — спросил он тихо.

Я вздрогнула.

— Откуда ты...

— Надя рассказывает, — он кивнул в сторону двери. — Она у меня информатор. Все городские новости через неё проходят. И телевизор смотрю, когда сил хватает. Этот Морозов много чего скупает в последнее время. И репутация у него...

— Я была у него сегодня, — перебила я. — Разговаривала.

Дед молчал, ждал продолжения.

— У него дочь, деда. Семи лет. После смерти матери замолчала. Совсем. Полтора года не говорит. Психогенный мутизм.

— Знаю такой, — кивнул он. — Тяжёлый случай.

— Он предлагает мне лечить её. Жить в их доме, заниматься с ней. А взамен... клиника получает землю бесплатно. И оборудование любое.

Я замолчала. Про брак я не сказала. Не могла. Стыдно было? Страшно? Я и сама не понимала.

Он задержал на мне взгляд. Секунды тянулись, а он всё молчал.

— Тая, — произнёс он наконец. — Я тебя вырастил. Я знаю, когда ты врёшь. Что ты не договариваешь?

Я отвернулась к окну. За стеклом моросил холодный ноябрьский дождь.

— Он предлагает стать его женой, — выдохнула я. — Фиктивно. На год. Чтобы дочь не забрали органы опеки. Родители его погибшей жены подали иск.

Дед молчал. Минуту. Две. Три.

— А ты что? — спросил он наконец.

— Я попросила время подумать.

— И думаешь?

— Не знаю, деда. С одной стороны — клиника наша, оборудование, дети... С другой — он чужой человек, с ужасной репутацией, и эта смерть жены...

— Ты в это не лезь, — отрезал он. — Что там случилось — не твоего ума дело. Суд признал его виноватым? Не признал. Но и дыма без огня не бывает, конечно.

Он закашлялся. Я подала ему воды.

— Деда, а если я соглашусь? Ты не будешь против?

Он помолчал, разглядывая меня. Взял мою руку в свои.

— Тая, ты помнишь, почему ты стала врачом?

— Помню, — улыбнулась я. — Ты меня с собой брал в клинику, когда я маленькая была. Я смотрела, как ты с детьми занимаешься, и думала: хочу так же.

— А помнишь, что я тебе говорил? Что главное в нашей работе?

— Не навреди, — ответила я.

— Это у врачей, — покачал головой дед. — А у реабилитологов другое. Мы не лечим тела. Мы лечим души. И если ты можешь помочь этой девочке — помоги. А остальное... остальное приложится.

Я слушала его и чувствовала, как к горлу подкатывает противный ком. Захотелось разреваться, как в детстве, уткнуться ему в плечо и пожаловаться, как всё несправедливо.

— Деда...

— Не реви, — строго сказал он. — Я ещё не умер. И вообще, я тебе вот что скажу. Я этого Морозова знал когда-то. Молодым. Он к нам в клинику приезжал лет десять назад, когда его племянник лежал. Тяжёлый случай, ДЦП, мы тогда новую методику пробовали.

— И что?

— А то, что он за этого пацана дрался как за родного. С врачами, с чиновниками, с кем угодно. Денег не жалел, времени не жалел, себя не жалел. Потом мальчишка, кажется, заговорил. И ходить начал. Я уж не помню, как фамилия была, но Морозова запомнил. Глаза у него горели тогда. По-настоящему.

Я слушала и не верила. Тот ледяной монстр, которого я видела утром, и горящие глаза?

— Люди не меняются, Тая, — дед будто прочитал мои мысли. — Они просто замерзают, если их долго морозить. Но оттаять могут. Если кто-то рядом согреет.

Он сжал мою руку.

— Иди. Лечи девочку. А клинику нашу спасай. Я тебе благословение даю.

— Деда...

— Но скажи ему, — он поднял палец. — Если он тебя обидит — я с того света приду и за ноги за собой утащу. Так и передай.

Я рассмеялась сквозь слёзы.

— Хорошо.

Мы ещё долго сидели рядом. Дедушка задремал, устав от разговора. Я смотрела на его морщинистое лицо, на седые волосы, на руки, которые стольким детям вернули надежду, и думала: как же мало нам нужно для счастья. Просто чтобы наши близкие были живы.

Было уже около шести вечера, когда из палаты выглянула Надя:

— Таечка, ты бы шла. Скоро обход, главврач будет, прогонят всех. Да и ему отдыхать надо.

Я кивнула, поцеловала деда в лоб (он спал, даже не пошевелился) и вышла в коридор.

— Надь, — спросила я уже у выхода. — Ты пригляди за ним, ладно? Если что — звони сразу.

— Не волнуйся, золотко, — она погладила меня по руке. — Я ж его тридцать лет знаю. Пригляжу.

Из больницы я вышла уже затемно. Дождь усилился, холодный ветер задувал под пальто. Я шла к машине, пряча лицо в воротник, и прокручивала в голове дедовы слова.

«Глаза у него горели... Оттаять могут... Если кто-то согреет...»

Я почти дошла до моего Пыжика, когда поняла. Хочу вернуться в улучшенную клинику, к тем детям, ради которых всё это затевалось. Хочу, чтобы у них было лучшее оборудование. Чтобы дед видел, что его дело живёт. Чтобы...

Чтобы девочка, которая не говорит полтора года, наконец заговорила.

В свою квартиру на окраине нашего города я вползла около половины девятого. Мокрая, замёрзшая, вымотанная до предела. Хотелось только одного — залезть в горячую ванну и забыть обо всём на свете.

Я скинула промокшие ботинки в прихожей, повесила пальто на плечики, прошлёпала на кухню поставить чайник.

Завтра в десять Марк приедет. Завтра я скажу «да».

Или «нет». Я всё ещё не решила.

Чайник закипел. Я заварила крепкий чай, обхватила кружку ладонями, глядя в тёмное окно. За стеклом моросил дождь, и капли стекали по стеклу. Я щёлкнула пультом, надеясь отвлечься, но реалити-шоу раздражало своими фальшивыми страстями. Выключить? Нет, пусть хоть что-то звучит.

В дверь позвонили в половине второго.

Я вздрогнула. На часах ночь. Кто мог прийти в такое время?

Соседи? Вряд ли.

Полиция? Зачем?

Я подошла к двери, посмотрела в глазок.

В подъезде горел тусклый свет. У моей двери стоял Марк. Я распахнула дверь.

— Марк? Что случилось?

Он поднял на меня глаза. В них было что-то, от чего у меня оборвалось сердце.

— Таисия Сергеевна, — выдохнул он. — Простите, что так поздно. Леонид Андреевич просит вас приехать. Срочно.

— Что случилось? Что-то с Алисой?

Дорогие мои читатели!

Мне очень важна ваша поддержка!

Ставьте лайки, пишите комментарии и подписывайтесь.

Ваша активность очень мотивирует.

Глава 4

Марк не ответил. Только мотнул головой — мол, «поехали» — и развернулся к лифту.

Я схватила с вешалки всё ещё влажное пальто, сунула ноги в мокрые ботинки и вылетела на лестничную клетку. Марк уже ждал внизу, распахнув дверь чёрного «Мерседеса».

В салоне было тепло и тихо. Двигатель работал, стёкла запотели. Марк сел за руль, и машина бесшумно тронулась.

— Марк, объясните, что случилось.

В зеркале заднего вида мелькнул его взгляд.

— У Алисы бывают... приступы. Она застывает, смотрит в одну точку. Или кричит так, что стены дрожат. Сегодня особенно плохо, — сказал он после паузы. — Леонид Андреевич сам с ней всё это время. Он уже не знает, что делать.

Я молчала, глядя в тёмное окно. За стеклом проплывали фонари, ночные магазины, пустые остановки. Город спал.

— Почему он позвал меня? — спросила я. — Я не психиатр. Я реабилитолог, я работаю с детьми, но не в таких острых состояниях...

— Леонид Андреевич выбрал вас не случайно. Он очень подробно изучил вашу работу. Ваши результаты, отзывы пациентов, истории тех, кому вы помогли. Он уверен, что вы сможете достучаться до Алисы там, где другие оказались бессильны.

Я замолчала. Этот человек совсем не знал меня. А если я не справлюсь? Если сделаю что-то не так и его дочь...

Отогнала эту мысль. Думать об этом сейчас нельзя. Сейчас надо просто делать то, зачем меня позвали.

Машина летела по ночной трассе. Дождь кончился, но небо оставалось тяжёлым, беззвёздным. Где-то впереди замаячили огни особняка.

Ворота распахнулись без задержки. Мы влетели на территорию, и Марк затормозил прямо у крыльца.

— Идите, — сказал он. — Я поставлю машину.

Я выскочила под холодный ветер и побежала к дверям. Они оказались не заперты.

В холле горел только ночник. Меня встретила взволнованная горничная.

— На третий этаж, — показала она мне рукой на лестницу.

Я побежала.

Третий этаж встретил меня приглушённым светом и открытой дверью в детскую. Оттуда доносился детский плач.

Я вошла.

Он сидел на полу в углу комнаты.

Леонид Морозов, человек, которого боялся весь город, которого называли монстром и убийцей, сидел на ковре, прижав к себе маленькую девочку в пижаме с единорогами. Алиса застыла в его руках, как кукла. Глаза открыты, взгляд застыл в одной точке. Тело напряжено до дрожи.

Морозов пытался баюкать её, что-то шептал, гладил по голове и выглядел при этом так, будто сам сейчас разобьётся на куски.

Он поднял на меня глаза. В них не было ничего от того непробиваемого монстра, которого я видела вчера. Только усталость и отчаяние человека, который перепробовал всё и сдаётся.

И в голове не укладывалось: как одно может сочетаться с другим? Этот человек — Изгой, убийца, монстр — сидел на полу и баюкал дочь, как самый обычный отец. Который не знает, что делать. Который готов на всё ради своего ребёнка.

— Вы здесь, — сказал он хрипло. — Хорошо. Сделайте что-нибудь.

Я шагнула к ним. Села на корточки рядом.

— Можно?

Он кивнул. Осторожно, боясь сделать резкое движение, я протянула руку и коснулась щеки Алисы. Холодная. Очень холодная.

— Алиса, — позвала я тихо. — Алиса, ты меня слышишь?

Ноль реакции. Девочка смотрела сквозь меня.

Я вздохнула. Скинула пальто, бросила на стоящее рядом кресло, устроилась поудобнее и запела.

Это была колыбельная, которую мне в детстве пела мама. «Спят усталые игрушки». Старая, но такая родная. Я пела тихо, глядя на Алису.

Я пела и вспоминала маму. Она умерла, когда мне было десять. Отца к тому моменту тоже уже не было. Он погиб за пару лет до этого, в Чечне. Офицер, была командировка. «При выполнении воинского долга» — сухие строчки в похоронке, которую мама долго не могла мне показать.

Я осталась совсем одна. Ну, почти одна. Был дед. Но без родителей — это «совсем одна», как бы ни старались бабушки и дедушки заполнить эту пустоту.

И только сейчас, глядя на застывшую Алису, я вспомнила, как сильно мне тогда было страшно. Как ей сейчас.

Алиса моргнула.

Я запела тише, чтобы голос не дрожал. Чтобы Леонид не увидел, как сильно меня накрыло. Морозов замер, боясь дышать.

Алиса медленно повернула голову. Теперь её взгляд был направлен на меня. В её глазах больше не было мёртвой пустоты. Только настороженность и слабый, едва уловимый интерес. Будто она пыталась понять: кто эта чужая женщина, которая осмелилась войти в её мир, и можно ли ей доверять?

Я протянула руки. Морозов понял и осторожно переложил девочку мне на колени.

Тело Алисы мгновенно напряглось. Она замерла, как зверёк, который ждёт, что его сейчас обидят. Сердце колотилось где-то под моими ладонями.

Я продолжала петь. Тише, чем раньше. Почти беззвучно, скорее выдыхала мелодию, чем пела. И не делала лишних движений. Не гладила, не прижимала, просто держала, давая ей время понять, что я не опасна.

Время шло.

Напряжение не уходило, но и не нарастало. Алиса застыла в моих руках, как натянутая струна, но не вырывалась, не плакала. Просто... ждала. Смотрела куда-то в стену, в одну точку, и ждала.

Я чувствовала её макушку под подбородком, вдыхала запах детского шампуня и думала: как же много в этом маленьком теле боли. И как же легко всё сломать одним неосторожным движением.

Не знала, сколько мы так просидели. Может, минуту. Может, десять. Но в какой-то момент я почувствовала, что изменилось её дыхание. Оно стало ровнее, глубже. Испуганное сердцебиение замедлилось.

Алиса выдохнула. И напряжение в её плечах чуть-чуть, на миллиметр, отпустило.

Она не прижалась ко мне. Не обняла. Но перестала сопротивляться моему присутствию. И для первой встречи — для девочки, которая полтора года никого не подпускала, — это было больше, чем я могла ожидать.

В какой-то момент я поняла, что Алиса спит. Дыхание стало ровным, ресницы перестали вздрагивать.

Я подняла глаза. Морозов сидел на полу напротив. Не сводил с нас глаз, но молчал. Лицо не выражало ничего, но я почему-то знала: он запомнит этот момент. Навсегда.

Я попыталась подняться, чувствуя, как затекли руки и спина, но стараясь не потревожить Алису.

— Давайте помогу, — тихо сказал Морозов.

Он подошёл и бережно принял девочку из моих рук, давая мне возможность встать с колен.

— Спасибо, — выдохнула я.

Он кивнул и осторожно переложил Алису в кровать.

Девочка только вздохнула во сне и прижалась щекой к подушке.

Мы вышли в коридор.

Я задержалась на секунду. Алиса лежала на боку, поджав колени к груди.

— Она будет спать? — спросил Леонид, когда дверь детской закрылась.

— Думаю, да.

— Хорошо. — Он задержал взгляд на секунду дольше, чем нужно. Развернулся и пошёл к лестнице.

Глава 5

Я провожала его взглядом. Ни спасибо. Ни взгляда. Ничего.

Пошла за ним. Сама не знаю почему. Ноги просто несли меня вниз, следом за этим странным человеком, который только что смотрел на меня с такой болью, а теперь шёл так, будто меня не существует.

Мы спустились на первый этаж. Леонид свернул в кухню. Я замерла у двери, не зная, можно ли войти.

— Заходите, — раздалось изнутри.

Я вошла.

Кухня оказалась удивительно уютной. Деревянная мебель, тёплый свет, много цветов на подоконниках. Морозов уже стоял у плиты, включая чайник.

— Садитесь, — кивнул он на барный стул, даже не обернувшись. — Бутерброды будете?

— Буду, — ответила я, садясь.

Он молча достал хлеб, сыр, нарезку колбасы. Сделал бутерброды. Поставил передо мной тарелку и чашку чая. Только после этого сел напротив.

— Вы завтра... вернее, уже сегодня, — сказал он. — Должны были дать ответ.

— Должна была, — кивнула я.

— Я не давлению. — Он поднял глаза. В них снова был лёд. — Просто ситуация не терпит отлагательств. Корсаковы активизировались. Если мы не оформим брак в ближайшие дни, у суда появятся вопросы.

Я молчала, глядя в свою чашку.

— Условия вы знаете, — продолжил он. — Год. Фиктивный брак. Вы живёте здесь, занимаетесь Алисой. Взамен — клиника ваша, земля в собственность, оборудование любое. Всё прописано в контракте.

— А если я откажусь?

Он пожал плечами.

— Не найдёте денег — закроетесь. Выбор за вами.

Смотрела на него и пыталась понять, куда делся тот человек, который час назад сидел на полу с дочерью на руках. Передо мной был деловой партнёр. Холодный и расчётливый.

— Я согласна, — сказала я.

— Хорошо.

Он встал, убрал чашку в мойку.

— Пойдёмте, покажу вашу комнату.

Мы поднялись на второй этаж. Леонид открыл дверь в конце коридора.

— Здесь.

Я вошла. Комната оказалась небольшой, но очень уютной. Светлые стены, большая кровать с белоснежным бельём, письменный стол у окна, пустой шкаф. Своя ванная. На стене — репродукция Ван Гога, «Звёздная ночь». Станный выбор для гостевой комнаты. Или не странный? На подоконнике лежала забытая кем-то детская игрушка, маленький плюшевый заяц.

— Ванная там, — кивнул он. — Полотенца свежие. Если нужно что-то ещё, скажете Марку или горничной.

— Спасибо.

Леонид остановился в дверях.

— Вопросы есть?

— Есть, — я посмотрела ему в глаза. — Вы действительно считаете, что я справлюсь? С Алисой?

Он помолчал. Впервые за весь разговор в его взгляде мелькнуло что-то живое.

— Сегодня ночью она спала у вас на руках, — сказал он тихо. — Впервые за долгое время она спала спокойно. Это ответ.

Морозов вышел, прикрыв дверь.

Разбудил меня солнечный свет.

Я распахнула глаза и несколько секунд просто смотрела в белый потолок. Чужой потолок. Чужая комната.

Села, лихорадочно пытаюсь сообразить, где я и как сюда попала. Память возвращала вчерашнюю ночь обрывками: Алиса в руках отца, её пустой взгляд, колыбельная, которую я пела в темноте.

Сколько я проспала? За окном было светло, но какое это время — утро или уже день?

Осторожно выбралась из кровати. Прошла в ванную, умылась холодной водой, пригладила волосы. В зеркале отражалась совершенно безумная женщина с кругами под глазами, в мятой одежде.

Надо будет привезти вещи из дома. Если я теперь здесь живу...

Я спустилась вниз. В холле было тихо, но из кухни доносились голоса. Я подошла ближе и замерла у двери.

Морозов сидел за тем же столом, где мы пили чай ночью, и разговаривал с Марком.

— ...документы подготовь к вечеру. Завтра утром поедem в ЗАГС.

— Так быстро? — удивился Марк.

— Чем быстрее, тем лучше. Корсаковы не дремлют. Если они узнают, что у меня появилась женщина, могут ударить первыми. Надо зафиксировать брак до того, как они начнут действовать.

Я пошатнулась.

Завтра. ЗАГС. Завтра.

Прислонилась к стене, потому что ноги вдруг перестали держать. Завтра. Это слово стучит в висках, как отбойный молоток. Завтра я надену белое платье? Или просто подпишу бумаги в джинсах? Завтра я стану чьей-то женой. Женой человека, который, возможно, убийца. Или нет? Я ничего о нём не знаю. Только то, что у него больная дочь и холодные глаза. И что он смотрит на свою дочь так, будто это единственное важное, что у него есть.

Выхожу замуж. Не через неделю, не через месяц, не после того, как я соберу вещи, привыкну к мысли. Завтра.

За человека, которого видела два раза в жизни. Которого подозревают в убийстве.

И отказаться нельзя. Потому что дед. Потому что клиника. Потому что маленькая девочка на третьем этаже, которая сегодня ночью спала у меня на руках.

Потому что выбора нет.

Я сделала глубокий вдох. Выдохнула. Прижала ладони к пылающим щекам.

Завтра я стану женой.

Глава 6

Я вошла на кухню. Часы показывали начало одиннадцатого. Морозов сидел за столом с чашкой кофе и читал какие-то бумаги. Напротив него, задумчиво помешивая чай, сидел Марк. Увидев меня, Леонид отложил бумаги в сторону.

— Доброе утро, — бросил он весьма равнодушно. — Выспались?

— Более-менее, — я села напротив, не зная, куда девать руки. Марк коротко кивнул мне и снова уткнулся в свою чашку.

— Завтра в десять мы с вами поедем в ЗАГС.

Я кивнула. Слова застревали в горле. Марк даже бровью не повёл, будто о погоде речь шла, а не о моей завтрашней свадьбе.

— И ещё, — Морозов помолчал. — Вам нужно забрать вещи из дома. Сегодня. Марк вас отвезёт.

— Хорошо, — голос осип.

— Дядю предупредите, — добавил он. — Что переехали.

Я смотрела на него и пыталась понять: это забота? Контроль?

— А как я буду это объяснять? — спросила я. — Когда люди спросят, где я теперь живу и почему?

— Говорите, что вышли замуж, — пожал плечами Морозов. — Это не ложь.

— А если спросят за кого?

— Так и говорите, что за меня, — в его голосе мелькнула усмешка. — Моя репутация сделает остальное. Никто не полезет с расспросами к женщине, которая вышла за человека с такой славой.

Марк хмыкнул, но промолчал.

Горько, но правда.

Допила кофе и поднялась.

— Я к Алисе.

— Она не общается по утрам, — предупредил он. — Точнее, она вообще не говорит, но по утрам особенно неконтактная. Просто сидит одна и рисует.

— Ладно, — ответила я. — Я просто посижу рядом.

Алиса сидела за маленьким столиком у окна. В руках у неё был чёрный фломастер. Перед ней лежал лист бумаги, уже почти полностью закрашенный.

Я села на пол рядом с её стулом, чтобы быть на одном уровне. Чтобы не нависать.

— Привет, — сказала я тихо. — Я посижу с тобой, хорошо?

Она не ответила. Даже не повернула головы.

Я достала из кармана листок, который прихватила на кухне, и простой карандаш. Начала рисовать. Просто цветок. Потом ещё один. Потом солнце.

Алиса краем глаза следила за моими движениями. Я видела это по тому, как чуть заметно двигались её зрачки.

Она изображала на всех рисунках одно и то же. Я уже начала узнавать этот сюжет. Женщина. Балкон. Темнота вокруг.

Я рисовала свои цветы, но краем глаза рассматривала её рисунок. Женщина стояла спиной. Балконные перила. И какая-то фигура в углу. Размытая, нечёткая, будто её специально не прорисовали.

Алиса закрашивала небо чёрным. Сильно давила на фломастер, так что бумага прорывалась.

— Тёмное небо, — произнесла я. — Наверное, ночь была?

Никакой реакции.

— А это кто? — я чуть заметно кивнула на фигуру в углу. — Тень?

Алиса замерла.

Всего на секунду. Ручка остановилась. Плечи напряглись. А потом она снова принялась закрашивать, ещё яростнее, будто пыталась стереть этот рисунок с лица земли.

Я не стала спрашивать больше. Просто сидела рядом и рисовала свои цветы. Иногда протягивала ей карандаш другого цвета, но она не брала. Иногда просто брала следующий листок и начинала новый рисунок. Она косилась, но сильного интереса не проявляла.

Мы просидели так, наверное, с час. А может, больше. Я потеряла счёт времени.

— Таисия.

Голос Морозова за спиной заставил меня вздрогнуть. Я обернулась. Он стоял в дверях, скрестив руки на груди. Непонятно, как долго уже стоит и что успел увидеть.

— Выйдите на минуту.

Я поднялась. Алиса даже не посмотрела на меня, продолжала закрашивать свой чёрный лист.

В коридоре Морозов прикрыл дверь и повернулся ко мне.

— Что вы делали?

— Рисовала. Рядом с ней.

— Видел, — отрезал он. — Вы на рисунок показывали. Что-то спрашивали.

Я замерла.

— Просто...

— Не надо, — перебил он. Голос у него был злой. — Это не ваше дело. Что она рисует, почему рисует — вас не касается. Вы здесь, чтобы лечить, а не копать в прошлом.

— Я не копаюсь, — возразила я. — Я пытаюсь понять. Это называется диагностика. Если она рисует одно и то же всё время, значит, её что-то мучает. И чтобы помочь, я должна знать...

— Вы ничего не должны знать, — он шагнул ближе. Теперь мы стояли почти вплотную. — Вы должны делать то, за что вам платят. Создавать видимость нормальной семьи и заниматься с ней реабилитацией. А всё остальное — не ваша забота.

Не отводила взгляд от его карих глаз и видела в них стену. Глухую, непробиваемую.

— Я могу помочь, — сказала я тихо. — Правда могу. Но для этого мне нужно понимать, что с ней случилось. Почему она это рисует.

Его лицо дёрнулось. Всего на миг. А потом стало ещё жёстче.

— Вы не знаете, о чём говорите, — процедил он. — И не лезьте. Я серьёзно, Таисия. Не лезьте туда, куда вас не просят.

Он развернулся, вошёл в детскую и через секунду вышел с Алисой на руках. Девочка прижималась к нему, спрятав лицо у него на плече. Фломастер она так и сжимала в кулачке.

— Марк отвезёт вас за вещами через час, — бросил он, проходя мимо. — Будьте готовы.

Коридор опустел.

Я глядела на закрытую дверь детской и думала: что же там случилось? Что за тень на рисунке? И почему он так боится, что я узнаю?

Глава 7

Через час я сидела в машине рядом с Марком. За окном проплывал город. Серый, ноябрьский, с лужами. Люди куда-то спешили по своим обычным делам. Минут двадцать мы ехали молча. Потом я не выдержала.

— Марк, а у вас вообще бывают выходные?

— Бывают, раз в месяц, — ответил он, не отрывая глаз от дороги.

— Щедро.

Марк усмехнулся.

— Он не такой ужасный, как вам кажется, Таисия. Просто у него очень сложная судьба.

— Ага, — усмехнулась я. — У всех жизнь-боль. У меня вот арендатор попался, который решил, что моя свобода — это неплохая плата за его благотворительность.

До дома доехали быстро. Ключ повернулся в замке с трудом, будто квартира обиделась. Мол, годная же квартирка была, чего это вдруг ты решила переезжать? Может, одумаешься?

Я достала с антресолей старый чемодан и поставила на пол. И застыла в нерешительности. С чего начать, когда уезжаешь в чужую жизнь? Наверное, с самого простого. Я потянулась к двери шкафа.

Телефон зазвонил, когда я складывала вещи. Дядя Игорь.

— Тая, ты где? — голос встревоженный. — Представляешь, звонят мне из кадров и говорят, что ты отпуск за свой счёт берёшь. Я ничего не путаю?

— Дядь Игорь, — я села на кровать. — Да, я взяла отпуск

— Зачем? Что случилось?

Я глубоко вздохнула.

— Я замуж выхожу.

Тишина в трубке.

— Ты... что? — голос сел. — За кого?

— Дядь Игорь, я потом всё объясню. Пожалуйста, не спрашивай сейчас.

— Тая, — он заговорил тише, но жёстче. — Только ответь: ты по любви или как?

Я зажмурилась. По любви? Какая любовь? Я видела этого человека три раза в жизни.

— Конечно по любви, — сказала я.

Долгое молчание. Потом вздох.

— Ты взрослая девочка. Тебе решать. Но если что, помни, что я рядом.

— Спасибо, дядь Игорь.

Я положила трубку и посмотрела на чемодан. Смешно. Собираю вещи, чтобы переехать к человеку, которого боюсь. Чтобы выйти за него замуж. Чтобы спасти клинику, которую строил мой дед.

Вот такая я героиня.

В особняк мы вернулись к вечеру. Марк проводил меня в кабинет.

Морозов сидел за столом. Перед ним стоял открытый ноутбук.

— Садитесь, — кивнул он на кресло напротив.

Я села. Он подвинул ко мне бумаги.

— Брачный контракт. Дарственная на клинику. Финансовые обязательства с моей стороны. Можете читать, можете не читать.

Я взяла ручку.

— Я вам верю.

— Зря, — усмехнулся он. — Но приятно.

Я подписала. Лист за листом. Не читая. Просто ставила подпись там, где он показывал. Когда закончила, он забрал документы, сложил в папку и посмотрел на меня.

— Завтра в одиннадцать свадьба.

Я замерла.

— В смысле завтра? А как же месяц, который по закону надо ожидать?

— У меня свои способы ускорять процессы, — спокойно ответил он. — Завтра распишемся.

— Но...

— Таисия. — Он встал. — Идите спать. Завтра трудный день.

Я поднялась.

— И ещё, Тая, можно просто Лёня. Раз уж завтра свадьба.

Я кивнула и вышла.

Утром я проснулась от собственного сердцебиения. Лежала, смотрела в потолок и пыталась убедить себя, что это просто день. Обычный день. Просто распишусь в бумажке.

Не помогало.

Встала, прошла в ванную. Долго стояла под душем, пытаюсь смыть нервную дрожь. Потом замоталась в полотенце и вышла.

На кровати лежала огромная коробка, перевязанная широкой атласной лентой цвета слоновой кости. Рядом — коробка поменьше и плоская бархатная коробочка.

— Охренеть, — вырвалось у меня.

Я подошла медленно, будто коробка могла укусить.

Развязала ленту. Подняла крышку.

И ахнула.

Платье. Кремово-золотистое, струящееся, с тончайшим кружевом, которое покрывало рукава и спускалось по подолу, как морская пена. Ткань переливалась на свету. Дорогой шёлк.

Я достала его, боясь дышать. Оно оказалось лёгким, почти невесомым. Приложила к себе и взглянула в большое зеркало на створке шкафа. Сомнений не оставалось, это платье было идеальным.

— Господи, — прошептала я. — Это сколько же стоит?

Открыла вторую коробку. Туфли моего размера. Тоже кремовые, на невысоком каблучке. Они не жали, не натирали, позволяли двигаться свободно. И при этом делали походку лёгкой, летящей, женственной.

Пальцы дрожали, когда я брала бархатную коробочку.

Кольцо.

Открыла и забыла, как дышать

Тонкий платиновый ободок, усыпанный мелкими бриллиантами, которые переходили в крупный камень. Оно было шикарным. Дорогим.

Я надела его на палец, и оно село идеально. Будто снимали мерку.

На дне коробочки лежала записка. Резкий, размашистый почерк:

«Невесте положено. Надеюсь, размер угадал. Жду внизу. Лео».

Я начала собираться. Сначала надела платье

Оно село как влитое. Будто шили на меня. Я подошла к зеркалу и не узнала себя. Из отражения смотрела красивая, элегантная женщина. Настоящая невеста.

— Ну давай, — сказала я себе. — Игра началась.

Волосы я собрала в аккуратный пучок. Туфли, кольцо, последний взгляд в зеркало

Я спустилась вниз.

Он ждал в холле.

Сначала я увидела его спину. Леонид стоял у окна, смотрел на сад. Чёрный костюм сидел идеально, плечи расправлены, руки в карманах.

Услышав шаги, он обернулся.

И замер.

Смотрел долго. Смотрел так, что мне захотелось провалиться сквозь землю. А потом захотелось, чтобы он смотрел ещё.

— Вам идёт, — сказал он тихо. Голос сел, будто он волновался. Но на выражении лица это никак не отразилось.

Я стянула кольцо с пальца и протянула ему.

— Держите. Чтобы в ЗАГСе как положено было.

Он взял. Внимательно посмотрел на кольцо, потом на меня.

— Боитесь, что потеряете?

— Боюсь, что привыкну, — ляпнула я и сама удивилась.

Он усмехнулся. Спрятал кольцо в карман пиджака и протянул мне руку.

— Поехали.

Я взяла её, и мы пошли к машине.

В ЗАГСе было пусто. Скучающая сотрудница что-то бубнила про права и обязанности. Марк стоял сзади с невозмутимым лицом. И больше никого.

— Обменяйтесь кольцами, — сказала тётенька.

Морозов повернулся ко мне. Взял мою руку и надел кольцо.

— Оно теперь ваше навсегда, — сказал он тихо, чтобы слышала только я.

Я смотрела на его руки. Сильные, с аккуратным маникюром, и чувствовала, как от его прикосновения по коже побежали мурашки. Дурочка. Это же всё не по-настоящему.

Я взяла его кольцо. Оно было широкое, платиновое, с едва заметной гравировкой внутри. Надела на его палец.

Гравировка внутри — что там? Имя? Дата? Я не решилась спросить.

Он чуть сжал мои пальцы.

— Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту, — сказала сотрудница и скушаяще захлопнула папку.

Мы замерли. Я подняла глаза на Морозова. Он смотрел на меня с непроницаемым лицом. Секунда, другая.

Потом он наклонился и чуть коснулся губами моего виска — едва заметно, почти неведомо. Не поцелуй даже, а намёк на него.

Я зажмурилась. На секунду показалось, что это по-настоящему. Но он уже отстранился, и я вспомнила: это просто спектакль.

Морозов посмотрел мне в глаза.

— Ну вот, — сказал он тихо. — Теперь вы официально моя жена.

— А вы — мой муж, — эхом отозвалась я.

И в груди кольнуло. Совсем чуть-чуть. Иголочкой. Я решила, что показалось.

— Поехали домой, — сказал он.

— К Алисе, — кивнула я.

На лестнице, когда мы уже почти вышли, нас окликнула женщина с фотоаппаратом.

— Молодожёны, задержитесь на минуту! — крикнула она, пробегая мимо. — Положено!

Мы переглянулись. Морозов едва заметно поморщился, но кивнул.

— Быстро, — бросил он.

Фотограф щёлкнул несколько раз, пока мы стояли как истуканы. Я улыбалась в объектив, а краем глаза видела, что Морозов даже не пытается изображать радость. Зачем? Мы же не настоящие влюблённые.

Уже на улице Марк шагнул к нам, раскрывая зонт. Морозов жестом остановил его, молча забрал зонт и сам раскрыл над нами. Мы пошли к машине. Я чувствовала его плечо рядом. Было даже как-то надёжно.

Странно.

Ещё вчера я боялась этого человека. А сегодня иду с ним под одним зонтом, с кольцом на пальце, и мне совсем не страшно.

Только иголочка в груди всё колет.

Наверное, просто устала.

Глава 8

Машина мягко затормозила у крыльца. Дождь всё ещё моросил. Капли стекали по стёклам, и мир за ними казался размытым, ненастоящим. Как и всё, что случилось сегодня.

Морозов вышел первым, раскрыл зонт и протянул руку, помогая мне выбраться. Я оперлась о его ладонь и ступила на мокрый гранит. Платье чуть колыхнулось от ветра, и я поёжилась.

— Замёрзла? — спросил он.

— Немного.

Он молча сдвинул зонт так, чтобы меня не задевали капли, и мы пошли к дверям. Марк кивнул нам и уехал в сторону гаражей.

В холле горел тёплый уютный свет. Совсем не похожий на тот холодный полумрак, который встретил меня в первый раз. Или это я теперь всё иначе вижу?

И весь персонал выстроился как на парад.

Вдоль стен стояло человек семь. Горничные в форменных платьях, повар в колпаке, какой-то парень в комбинезоне — то ли садовник, то ли техник. Все стояли по струнке, руки по швам, глаза в пол.

Я замерла на пороге.

Морозов вошёл следом, закрыл зонт, поставил его в подставку у двери. Обвёл взглядом строй.

— Собрались? Хорошо.

Он взял меня за руку.

— Это Таисия Сергеевна, — сказал он громко, чтобы слышали все. — Моя жена. С сегодняшнего дня она хозяйка этого дома. Её слово — моё слово. Вопросы есть?

Тишина. Никто даже не шелохнулся. Только одна из горничных подняла глаза, быстро скользнула по мне взглядом и снова уставилась в пол. Естественно, всем любопытно. По сути, ещё вчера меня тут не было, а сегодня я уже в ранге хозяйки.

— Вопросов нет, — кивнул он сам себе. — Работайте.

Строй начал рассасываться. Горничные разбежались кто куда, повар скрылся на кухне, парень в комбинезоне выскользнул на улицу. Осталась только одна.

Она стояла у лестницы, сложив руки перед собой. Смотрела на меня так, будто я была пятном на дорогом ковре.

Морозов проследил за моим взглядом. Увидел Варвару. Поморщился.

— Варвара здесь давно, — сказал он тихо, чтобы слышала только я. — Она была ещё няней у моей бывшей жены Лизы. Когда мы поженились, Елизавета попросила её переехать к нам и стать экономкой. Не переживай, она к тебе привыкнет.

— А если нет? — спросила я так же тихо.

— Тогда уволю, — пожал он плечами. — Мне нужна жена, а не старая экономка.

Он сказал это спокойно, будто о погоде. А я вдруг поняла: уволит. Без сантиментов. Как вещь выбросит.

Варвара, видимо, тоже это поняла. Потому что лицо у неё всего на миг дёрнулось. А потом снова стало непроницаемым.

Она чуть наклонила голову, когда мы поравнялись с ней.

— Обед подавать, Леонид Андреевич? — спросила она ровно.

— Да. Через час.

Она исчезла. Бесшумно, как тень.

Морозов повернулся ко мне.

— Идём. Покажу дом.

Он пошёл к лестнице, и я за ним. На втором этаже он свернул не в моё крыло, а в противоположное. Прошёл мимо нескольких закрытых дверей и задержался у одной — массивной, с бронзовой ручкой.

— Это спальня Лизы, — сказал он. — Там остались её бумаги, книги, личные вещи. Не заходи туда.

Я подняла бровь.

— А если захочется?

Он строго на меня посмотрел.

— Не захочется.

И пошёл дальше.

Я осталась у двери. Синяя Борода, блин. «Не заходи в эту комнату, жена». А в той комнате — трупы бывших.

Передёрнула плечами и пошла за ним.

Потом был обход дома. Морозов водил меня по комнатам — гостиная, столовая, зимний сад, библиотека. «Здесь обедаем. Здесь принимаем гостей. Здесь отдыхаем».

Я кивала, стараясь запомнить, где какой поворот, и не переставала удивляться размерам особняка.

— А почему, кстати, его называют «Логовом»?

Морозов усмехнулся.

— Когда Лизы не стало, я заперся здесь на полгода. Никого не хотел видеть, не выходил практически, только по бизнесу. Партнёры за глаза обозвали это место «Логовом изгоя». Дурацкое прозвище, но оно прилипло.

Я оглянулась на тёмные стены, на тяжёлые шторы.

— А сейчас? Ты всё ещё изгой?

Он резко остановился. Я чуть не врезалась в него.

— А ты как думаешь? — повернулся ко мне. — Если весь город до сих пор так называет мой дом — значит, что-то в этом есть, нет?

— Не знаю, — честно сказала я. — Я же тебя почти не знаю.

— И не надо. Чем меньше знаешь, тем целее будешь.

В конце экскурсии он остановился у моей комнаты.

— Ты здесь уже была, — сказал он. — Знаешь.

Я кивнула.

— Варвара будет подавать обед в три. Я обычно ем в кабинете, но сегодня... — он запнулся. — Сегодня можем вместе поесть в столовой.

Я подняла на него глаза.

— Вы предлагаете мне обед при свечах, Леонид Андреевич?

Он даже слегка улыбнулся.

— Я предлагаю тебе поесть, Таисия. А свечи... если хочешь, пусть будут.

И ушёл.

В комнате меня ждал всё тот же чемодан. Разобранный ровно настолько, чтобы достать зубную щётку и пижаму. Я посмотрела на него, на шкаф, снова на чемодан. Ладно. Пора переезжать по-настоящему. Стянула платье, аккуратно повесила на плечики и убрала в шкаф. Надела халат. Села в кресло у окна, поджала ноги и открыла ноутбук.

Вещи подождут. Сначала нужно кое-что выяснить.

Ноутбук загрузился, браузер открылся. Пальцы замерли над клавиатурой.

Чего я хочу? Узнать правду? Или просто подтвердить свои самые страшные догадки?

Я, конечно, слышала о Морозове раньше. Кто в городе не слышал? Обрывки разговоров, намёки в новостях, перешёптывания знакомых. Но это всё было где-то там, в другом мире.

Не в моём. До сегодняшнего дня руки не доходили покопаться всерьёз. Да и зачем? Мало ли каких слухов о богатых не ходит.

А теперь — теперь это мой муж.

Я набрала: «Леонид Морозов».

Страница загрузилась. И я провалилась в чёрную бездну.

Первая же ссылка вела на статью с заголовком: «Морозов довёл жену до самоубийства».

Я открыла. Пробежала глазами. Сухие факты, перемешанные с домыслами. Елизавета Морозова, тридцать два года, мать пятилетней дочери, найдена мёртвой под балконом собственного дома. Следствие — самоубийство. Но близкие не верят.

Дальше пошли другие заголовки:

«Кровавый олигарх: как Морозов скупал бизнес и ломал людей»

«Бизнес на костях: расследование о тёмной стороне империи Морозова»

«Изгой: почему партнёры боятся Леонида Морозова»

Я листала страницу за страницей. Комментарии под статьями были ещё страшнее.

«Он её убил, сто процентов. У таких морд все дела так решаются».

«А дочь? Где сейчас дочь?»

«Нормальный мужик. Баба сама с балкона сиганула, с кем не бывает. Чего наезжаете?»

Я закрыла вкладку. Открыла другую. Третью.

Чем больше я читала, тем сильнее сжималось сердце.

Фотографии. На одной — Леонид на каком-то приёме, в смокинге, с бокалом в руке. На другой — он с Елизаветой, на благотворительном вечере. Она — светленькая, хрупкая, улыбается в объектив. Он стоит рядом, с обожанием смотрит на неё.

Они были красивой парой. На фотографиях.

А в жизни?

Я откинулась на спинку стула. Посмотрела на свою руку. На кольцо. Оно тускло блестело в свете лампы.

Изгой. Тот, кого все боятся, и никто не принимает.

И я теперь его жена.

Я поднесла руку к лицу, покрутила кольцо на пальце. Оно сидело идеально. Будто всегда здесь было.

— На что я подписалась? — прошептала я в пустоту.

Глава 9

Я стояла перед раскрытым шкафом и рассматривала свои вещи. Обычные, удобные для работы, для дома, для прогулок. Джинсы, свитера, пара футболок. В общем, всё, что нужно женщине, которая живёт в клинике и практически не выходит в свет. Хорошо хоть пару приличных платьев нашлось. Всё-таки не с голой же задницей к новоиспечённому мужу выходить.

Я выбрала тёмно-синее платье с длинным рукавом, чуть выше колена, не слишком нарядное, но и не домашнее. В конце концов, это первый обед в статусе жены. Надо выглядеть... не знаю. Достойно?

В зеркале отражалась женщина, которую я с трудом узнавала. Волосы я распустила, обычно собирала в пучок, чтобы не мешали на работе. Сейчас они мягкими волнами спадали на плечи.

— Ну давай, — сказала я своему отражению. — Игра продолжается.

Почему-то внутри всё трепетало от предвкушения. Глупости. Это просто обед.

Я нажала на ручку двери и вышла в коридор.

Столовая находилась на первом этаже, сразу за холлом. Во время обхода я заглядывала сюда мельком — тогда глаза разбегались от обилия комнат. Теперь я стояла на пороге и не могла войти. Это было красиво.

Огромный стол из тёмного дерева, отполированный до зеркального блеска, тянулся вдоль всей комнаты. В центре стояла хрустальная ваза с живыми цветами — белыми розами. Над столом висела тяжёлая люстра, хрустальные подвески переливались в свете десятков маленьких лампочек, рассыпая по стенам золотистые зайчики. И свечи. Несколько высоких подсвечников с уже зажжёнными свечами. Пламя дрожало от сквозняка, отбрасывая на стены живые тени.

— Охренеть, — выдохнула я.

— Нравится?

Голос раздался слева. Я повернулась.

Морозов стоял у окна, прислонившись плечом к косяку. На нём был тёмно-серый пиджак, белая рубашка без галстука, брюки идеально выглажены. Волосы чуть влажные — видимо, только что из душа.

— Красиво, — сказала я честно. — Вы правда свечи поставили?

— Обещал же, — усмехнулся он. — Проходите. Садитесь.

Он подошёл к столу и отодвинул тяжёлый стул с высокой резной спинкой, рядом с головой стола, по правую руку. Жест был таким естественным, таким... мужским, что я растерялась.

— Спасибо, — сказала я, садясь.

Он обошёл меня и сел во главе. Перед ним уже стоял раскрытый ноутбук — видимо, работал даже во время обеда. Но, увидев, что я смотрю, он закрыл крышку и отодвинул ноутбук в сторону.

— Сегодня без работы, — сказал он.

Я не нашлась, что ответить.

В столовую бесшумно вошла Варвара. Несла поднос с тарелками. Поставила передо мной: суп-пюре в глубокой белой тарелке, украшенный зеленью и сухариками. Перед Морозовым — то же самое.

— Приятного аппетита, — сказала она ровно и замерла у стены, сложив руки перед собой. Морозов покосился на неё.

— Варвара, мы справимся. Идите.

Она чуть задержалась, скользнула по мне взглядом и выскользнула за дверь.

Я взяла ложку. Суп оказался изумительным. Нежным, сливочным, с лёгким грибным ароматом. Я даже зажмурилась от удовольствия.

— Вкусно? — спросил Морозов.

— Очень, — кивнула я. — У вас отличный повар.

— У нас, — поправил он. — Вы теперь хозяйка. Можете распоряжаться.

Я подняла на него глаза. Он смотрел серьёзно.

— Вы правда хотите, чтобы я тут командовала? — спросила я.

— А почему нет?

— Ну... это же всё не по-настоящему. Я здесь чужая.

— Затем и командовать, — усмехнулся он. — Чтобы перестали быть чужой.

Я промолчала. Ела суп, чувствуя, как от его слов внутри что-то оттаивает. Глупости. Это просто слова.

Когда тарелки опустели, Варвара снова появилась в дверях — словно ждала за порогом. Бесшумно убрала посуду и через пару минут вернулась с подносом. На этот раз на нём были тарелки со вторым: стейк, прожаренный идеально, с овощами и каким-то сложным соусом. Мясо таяло во рту. Я никогда такого не ела.

Мы ели молча. Я украдкой рассматривала его. Как он уверенно держит нож и вилку. Как двигаются его руки. Как он смотрит в тарелку, задумавшись о чём-то своём. И вдруг поймала себя на мысли, что он совсем не такой ужасный, как пишут. Обычный мужчина. Уставший. Одиноким.

— Вы чего так уставились? — вдруг спросил он, поднимая на меня глаза. — На мне узоров нет и цветы не растут.

Я поперхнулась. Закашлялась, прикрывая рот салфеткой.

— Простите, — выдавила я, когда смогла дышать. — Я просто... я читала про вас

Он поднял голову. Взгляд стал внимательным.

— Где?

— В интернете. Сегодня, перед обедом. — Я отложила вилку. — Там такие ужасы пишут. Про вашу жену. Про бизнес. Про...

Я запнулась.

— Про то, какой я монстр? — закончил он спокойно.

— Ну... да.

Он откинулся на спинку стула. Посмотрел на меня долгим взглядом.

— И что вы теперь думаете?

— Я не знаю, — честно сказала я. — Вы не похожи на монстра. Но там столько всего...

— Многое из этого — правда, — перебил он. — Но не всё.

Я ждала продолжения. Он молчал.

— А что именно неправда? — спросила я.

Он грустно усмехнулся.

— Таисия, если я начну сейчас разбирать каждую статью и объяснять, где ложь, а где нет, мы тут до утра просидим. Да и не поверите вы мне. С чего бы?

— А если поверю?

Он посмотрел на меня. Пристально. Так, что мне стало не по себе.

— Тогда тем более не буду, — сказал он. — Хочу, чтобы вы сами увидели. Своими глазами. Составили своё впечатление. А не из бульварных газетёнок.

— А если я ошибусь?

— Значит, ошибётесь. — Он пожал плечами. — Это ваше право.

Я молчала, переваривая услышанное.

— Знаете, — вдруг сказал он, — давайте начнём сначала. Без всех этих слухов.

— Как это?

— Ну... — Он задумался. — Привет, я Леонид. Для друзей — Лео. — Он протянул руку. — Правда, друзей у меня уже не осталось. Но вы можете так меня называть.

Я смотрела на его протянутую руку. Шрам на тыльной стороне, длинные пальцы.

И вдруг поняла: я хочу. Хочу попробовать. Хочу узнать этого человека.

Протянула свою руку. Он сжал её.

— Таисия, — сказала я. — Можно просто Тая.

— Очень приятно, Тая, — улыбнулся он.

Я улыбнулась в ответ. И в этот момент...

В столовую влетела Варвара. Лицо белое, глаза расширены.

— Леонид Андреевич! Там... там приехали. Из опеки. Говорят, внеплановая проверка.

Глава 10

Я замерла с вилкой в руке. Морозов выругался коротко и грязно.

— Где они?

— В холле. Они ждут вас.

Он уже вышел из столовой. Варвара метнулась за ним, бросив на меня растерянный взгляд. Я догнала их в коридоре.

— Мне идти?

— Ты теперь моя жена. Придётся.

Мы вошли в холл вместе.

Там стояли двое. Женщина лет пятидесяти с идеально ровной осанкой и собранными в пучок седеющими волосами. На ней был тёмно-синий костюм, юбка ниже колена, лодочки на устойчивом каблуке. Такие женщины не красятся, не флиртуют и презирают все женские штучки.

Рядом с ней переминался с ноги на ногу молодой парень с папкой в руках. В форме то ли полицейского, то ли пристава. Вид у него был такой, будто он вообще не в курсе, зачем его сюда привезли.

Женщина оглядывала холл профессиональным взглядом. Она считала квадратные метры, оценивала люстру, прикидывала стоимость мебели.

— Леонид Андреевич Морозов? — Она шагнула навстречу. — Я Ольга Петровна, инспектор по делам несовершеннолетних. А это мой помощник, Сергей. Нам поступила информация о том, что вы заключили брак. Мы должны проверить условия проживания ребёнка и познакомиться с новой супругой.

— От кого информация? — Морозов даже не пытался скрыть раздражение.

— Я не обязана сообщать источник, — отрезала Ольга Петровна. — Вы обязаны предоставить доступ к ребёнку. Остальное вас не касается.

— Касается, если кто-то из моих врагов решил использовать опеку, чтобы добраться до меня.

— Это вы в суде расскажете, а мне надо отработать информацию. — Она перевела взгляд на меня. — А это, надо полагать, новая жена?

Я шагнула вперёд. Почему-то захотелось встать рядом с Морозовым, плечом к плечу. Показать, что я тут не просто так.

— Таисия Сергеевна Мещерина, — сказала я. — Можно просто Таисия.

— Таисия, — кивнула инспектор. — Сколько вам лет, если не секрет?

— Двадцать восемь.

Она что-то записала в блокнот.

— И чем вы занимались до замужества?

— Я врач-реабилитолог. Работаю в центре «Мещерин», это семейная клиника.

— Благотворительная, между прочим, — добавил Морозов. — Таисия помогает детям с особенностями развития.

Я покосилась на него. Он смотрел на Ольгу Петровну с вызовом, но я вдруг поняла: он не хвастается. Он расхваливает меня, как товар. «Смотрите, какая хорошая, с идеальной репутацией, врач, детей лечит, берите — не пожалеете».

Инспектор снова записала.

— И как давно вы знакомы с Леонидом Андреевичем?

Мы переглянулись. Я почувствовала, как между нами пробежало напряжение. Если скажем правду — несколько дней — это вызовет вопросы. Если соврём — могут проверить.

— Неделя, — сказал Морозов спокойно. — Но нам хватило.

Ольга Петровна подняла бровь.

— Неделя? И уже брак? Не быстро ли?

— А чего тянуть? — Морозов усмехнулся. — Я человек взрослый, она тоже. Увидел — понял: моя. Зачем время терять?

Я чуть не поперхнулась. Он сказал это так естественно, будто правда верил в эту херню. Будто я действительно была «его» с первого взгляда.

Инспектор перевела взгляд на меня.

— А вы, Таисия? Тоже так быстро прониклись чувствами?

Я смотрела на Морозова. На его карие глаза, на жёсткую линию челюсти, на руки, которые сейчас спокойно лежали на подлокотниках кресла, хотя я знала, что внутри у него всё кипит. И вдруг поняла: надо блефовать ради всего того, что поставлено на кон.

— Знаете, — сказала я, глядя прямо на Ольгу Петровну, — я за свою жизнь видела много мужчин. Но когда он... — я кивнула на Морозова, — когда он на меня посмотрел в первый раз, у меня внутри всё перевернулось. Бывает же такое, да? Вроде взрослая, а туда же, влюбилась как девчонка.

Я сама не верила тому, что говорила. Но голос звучал уверенно, слова лились, будто я месяц репетировала, и я даже легко улыбнулась, пытаясь изобразить вселенское счастье от моего скоропостижного замужества. Интересно, это у меня талант актрисы открылся?

Ольга Петровна смотрела на меня очень внимательно. Потом перевела взгляд на Морозова, на наши кольца, снова на меня.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Теперь покажите комнату девочки.

Мы поднялись на третий этаж. Я старалась идти спокойно, но адреналин внутри меня зашкаливал. За спиной слышались шаги Ольги Петровны и её помощника — тот всё время спотыкался и что-то чертил в планшете.

Я открыла дверь в детскую.

Комната Алисы была большой, светлой, с высокими окнами, выходящими в сад. У стены стояла кровать под балдахином из белого кружева, подушки с вышивкой, на одеяле плюшевый единорог. Рядом стоял стеллаж с игрушками. В углу был маленький столик, заваленный бумагой и фломастерами.

Алиса сидела на ковре. Увидев нас, она сжалась, втянула голову в плечи, будто хотела исчезнуть.

— Здравствуй, Алиса, — Ольга Петровна шагнула в комнату, присела на корточки. — Я тётя Оля, я пришла познакомиться.

Глаза у девочки были испуганные, руки прижаты к груди.

— Она не говорит, — тихо сказала я. — У неё психогенный мутизм. После смерти матери.

— Я знаю. — Инспектор оглядела комнату. Провела пальцем по полке — чисто. Заглянула в шкаф — там аккуратно сложенные вещи. — Условия хорошие. Но мне важно увидеть, как вы взаимодействуете с ребёнком.

Я опустилась на пол рядом с Алисой. Не слишком близко, на расстоянии вытянутой руки.

— Привет, — сказала я тихо. — Я посижу с тобой, хорошо?

Алиса молчала. Но краем глаза следила за мной. Я знала такой взгляд — она проверяла, можно ли верить.

Я протянула руку к её рисункам. Взяла один, на котором были нарисованы котик и собачка.

— Красиво, — сказала я. — Ты сама рисовала?

Алиса чуть заметно кивнула.

Ольга Петровна за спиной что-то записала в блокнот.

Я взяла фломастер. Протянула Алисе. Девочка смотрела на мою руку, на фломастер. И взяла.

У меня внутри всё сжалось. Она взяла. Сама.

Алиса провела линию на чистом листе. Потом ещё одну. И вдруг нарисовала цветок — похожий на те, что я рисовала в прошлый раз.

— Это мне? — спросила я.

Она кивнула.

Я улыбнулась. И вдруг почувствовала, как глаза защипало. Глупости. Не время.

— Спасибо, маленькая.

Ольга Петровна кашлянула.

— Хорошо. Я вижу, контакт есть. — Она повернулась к Морозову. — Леонид Андреевич, я должна спросить официально. Вы понимаете, что в случае развода или признания брака недействительным вы проиграте опеку?

— Понимаю.

— И вы готовы предоставить нам доступ для дальнейших проверок?

— Да.

Она спрятала блокнот.

— Мы будем наблюдать. Если поступят новые сигналы — придём снова. Всего доброго.

Когда они уходили, Сергей обернулся и улыбнулся мне. Я невольно улыбнулась в ответ. Морозов это заметил — и было видно, что ему это очень не понравилось.

Я слышала, как затихают шаги на лестнице. Морозов проводил их до двери. А я осталась сидеть на полу рядом с Алисой.

Девочка смотрела на меня. В её глазах появлялось всё больше интереса к моей персоне.

— Ты молодец, — сказала я тихо. — Всё правильно сделала.

Она придвинулась чуть ближе.

Я обняла её. Легонько, боясь спугнуть.

И в этот момент я поняла: я сделаю всё, что смогу, для её излечения.

Глава 11

Вечером я была в своей комнате и пыталась переварить прошедший день. Слишком много всего за один день. Свадьба, обед, опека, Алиса... Голова шла кругом.

Я сидела на кровати, поджав под себя ноги, и машинально крутила в руках рисунок, подаренный Алисой.

В дверь постучали.

Я вздрогнула, сунула рисунок под подушку.

— Да, входите.

Дверь открылась. На пороге стояла Варвара.

Без фартука, в простом тёмном платье с длинным рукавом, с распущенными волосами, она выглядела другой. Безобидной, что ли.

Но я уже знала — безобидных в этом доме нет.

— Таисия Сергеевна, — сказала она тихо. — Можно войти?

— Входите.

Она сделала несколько шагов, остановилась, сцепила руки перед собой.

— Я должна кое-что сказать вам, — начала она. — Вы, наверное, заметили, что я не в восторге от вашего появления.

Я усмехнулась.

— Спасибо, что просветили. А то я уж думала, мне показалось.

Она пропустила сарказм мимо ушей.

— Я работала у Корсаковых с самого детства Лизы. Я её любила. По-настоящему. Когда она вышла замуж и переехала сюда, я поехала за ней. Она была хорошей. Доброй. А он... — Варвара запнулась, подбирая слова. — Он её не сберёт.

Я молчала. Смотрела, как свет настольной лампы выхватывает из полумрака её лицо, прорисовывая каждую морщину, каждую складку у губ. В этом свете она казалась старой и очень усталой.

— Я знаю, что вы думаете, — продолжила она. — Что я старая дура, которая застряла в прошлом. Может, так и есть. Но я осталась здесь только ради Алисы. Мне её жаль. Девочка растёт без матери, с этим... с ним. А теперь ещё и вы появились.

— И что с того? — спросила я.

— А то, что вы здесь чужая. — Варвара подняла подбородок. — Я не знаю, зачем вы здесь. Может, из-за денег. Может, по другим причинам. Но я не верю, что вы тут по любви. Такие, как вы, за таких, как он, по любви не выходят.

Мои губы дрогнули в невесёлой улыбке.

— Вы так уверены в своей правоте?

— Я старая. Я многое видела. — Она сделала паузу. — Корсаковы — другие. Они Алисочку любят. И хотят забрать не из-за вредности, а потому что переживают за неё. Я с ними говорила. Они обещают, что девочке будет хорошо.

У меня внутри всё похолодело.

— Вы с ними говорили? — переспросила я. — С Корсаковыми?

— Да. — Варвара смотрела прямо. — И буду говорить. Как только опеку отдадут им, я сразу уйду к ним работать. А здесь оставаться не хочу. С ним. С вами.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри закипает злость. С каждой секундой всё сильнее, пока не начало жечь грудь изнутри.

— Это вы позвонили в опеку? — спросила я прямо. — Сообщили, что Морозов женился?

Варвара замерла. Всего на секунду. Но я заметила, как дрогнули её веки.

— Я не знаю, о чём вы.

— Знаете. — Я встала с кровати, подошла ближе. Теперь мы стояли друг напротив друга, как два бойца перед схваткой. — Вы им сливаете всё, да? Корсаковым. Рассказываете, что тут происходит. А они уже звонят куда надо.

Она молчала. Только сжала губы.

— И что вы им сегодня сказали? — спросила я. — Что я здесь? Что мы поженились? Про любовь с первого взгляда им тоже уже доложили?

— Я сказала правду, — ответила она тихо. — Они имеют право знать.

— Они имеют право сломать жизнь ребёнку? — Я почти кричала, но сдерживалась. — Вы видели Алису сегодня? Видели, как она ко мне потянулась? Она только-только начала выходить из своего кокона. А если её забрать к Корсаковым, которые будут настраивать против отца, она вообще с ума сойдёт! Вы этого хотите?

Варвара смотрела на меня. В её глазах мелькнуло что-то... сомнение? Или просто усталость?

— Не вам решать, что для девочки лучше. Вы её совсем не знаете, — сказала она после долгой паузы. — Вы правда думаете, что я желаю Алисе зла? Я её с пелёнок знаю. Я её люблю. Я хочу, чтобы она была в безопасности. А здесь... здесь никогда не будет безопасности. Пока он здесь.

Она развернулась и вышла, не дожидаясь ответа.

Дверь щёлкнула. Я осталась одна.

Я всё стояла и смотрела на закрытую дверь, будто ждала, что Варвара вернётся и скажет что-то ещё.

Но нет.

Я медленно опустилась на край кровати. Мысли разбегались, как тараканы от света, и поймать хоть одну не получалось.

Варвара. Она сливает инфу Корсаковым. С её подачи они позвонили в опеку. И она будет продолжать сливать им информацию.

Я должна сказать Морозову.

Но если я скажу — он её уволит. Вышвырнет вон. Но тут её можно хотя бы контролировать. Может, она не одна? Может, в доме есть ещё люди, которые работают на Корсаковых?

Я закрыла глаза.

Нет. Пока рано ему говорить. Я сама за ней послежу. Сама всё выясню. Буду слушать, смотреть, запоминать. А когда пойму, что происходит на самом деле...

Тогда решу.

Я посмотрела на подушку, под которой лежал рисунок Алисы. Достала его, разгладила на коленях.

Цветок. Простой, детский, корявый.

— Я помогу тебе, маленькая, — прошептала я в пустоту. — Всё наладится.

И в этот момент за дверью скрипнула половица.

Я замерла. Прислушалась.

Тишина. Больше ни звука.

Бесшумно подошла к двери, взялась за ручку, выдохнула и рывком распахнула.

Коридор был пуст. Только в дальнем конце, у лестницы, мелькнула и растаяла тень.

Глава 12

Утро выдалось солнечным. Впервые за всю эту ноябрьскую серость небо раздвинулось, и в окна полился такой яркий свет, что я зажмурилась, когда открыла шторы.

Я стояла у окна своей комнаты и смотрела в сад. Там, за стриженными кустами и голыми ветками деревьев, виднелась детская площадка. Горка, качели, песочница с навесом. Всё новенькое, чистое, но совершенно нетронутое. Будто игрушка, которую купили, поставили и забыли.

Алиса там никогда не гуляла. Я это почему-то знала. Полтора года взаперти. Для ребёнка это очень плохо. Наверное, няни пытались, но Алиса впадала в истерику, стоило вывести её за порог. А Морозов... он, видимо, решил, что лучше тишина в доме, чем лишняя травма для дочери. Заперлись оба в своём Логове и сидят.

Но кто я такая, чтобы лезть со своими советами?

В дверь постучали. Я обернулась.

— Да?

Вошла горничная, девушка, которую я видела мельком в первый день. Кажется, её звали Настя. Она была совсем юная, лет девятнадцать, с круглым лицом и испуганными глазами. Форменное платье сидело мешковато, будто с чужого плеча. Остановилась у порога, не решаясь подойти ближе.

— Таисия Сергеевна, завтрак готов. Леонид Андреевич уже уехал по делам, велел не ждать.

— Спасибо.

Я спустилась в столовую, быстро проглотила омлет и кофе. Перед глазами стояло одно: площадка, солнце, Алиса. Надо попробовать. Сейчас же.

После завтрака я поднялась на третий этаж. Постучала в детскую и, не дожидаясь ответа (его всё равно не было), вошла.

Алиса сидела на ковре посреди разбросанных игрушек. В руках она держала куклу — длинноволосую блондинку в розовом платье — и сосредоточенно расчёсывала ей волосы пластмассовой расчёской.

Я присела на корточки в паре метров от неё.

— Привет, — сказала я. — Смотри, какое солнце на улице. Помнишь, в мультике про котёнка Гава, когда они с щенком на чердаке от грозы прятались, а потом дождь закончился и солнце выглянуло? И сразу так хорошо стало, даже гулять захотелось.

Алиса даже не подняла голову. Только продолжила расчёсывать куклу.

Я помолчала, потом добавила:

— Там, в саду, есть площадка. Горка, качели. И песочница. Я в детстве обожала песочницы. Мы с дедом строили замки, а потом приходили соседские мальчишки и всё ломали. Я ревела, а дед говорил: «Не реви, Тая. Завтра построим новый, ещё лучше».

Никакой реакции.

Я вздохнула. Осмотрелась. В углу комнаты, рядом с шкафом, стояла коробка с игрушками для улицы — ведёрки, совки, формочки, машинки. Всё новенькое, с ценниками. Видимо, купили когда-то в надежде, что девочка захочет гулять. И так и оставили пылиться.

Я подошла к коробке, нарочно громко шурша, достала ведёрко и совок.

— Смотри, какие красивые, — сказала я, показывая ей формочки. — Жёлтые, яркие. Пойдём? Можешь просто посидеть рядом, если не хочешь играть. Подышать воздухом. Хочешь, попробуем?

Алиса замерла. Перестала расчёсывать куклу. Подняла голову, и я физически почувствовала этот взгляд. Он был изучающим, будто она решала: можно ли мне верить?

Потом отложила куклу, встала и подошла к шкафу. Открыла дверцу и достала с нижней полки розовую куртку и шапку с помпоном. Просто достала и положила на кровать. Глядела на меня.

— Хочешь пойти? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя сердце колотилось как бешеное.

Алиса кивнула

Я вздохнула с облегчением. Получилось.

Мы вышли в сад через стеклянную дверь в гостиную. Алиса шла медленно, оглядываясь по сторонам, будто впервые видела эти кусты, эти дорожки, это небо. Чёрт, может, так и было. Сколько она вообще выходила на улицу за последние полтора года?

Я взяла с собой ведёрко, совок и пару формочек, которые нашла в коробке. По пути рассказывала про своё детство: про то, как мы с дедом ездили на дачу, как я падала с велосипеда и разбивала коленки, как бабушка пекла пирожки с капустой. Алиса молчала, но слушала. Я видела по тому, как она чуть поворачивала голову в мою сторону, когда я начинала новую историю.

Песочница оказалась большой, с деревянными бортиками и навесом от солнца. Песок был чистым, почти белым, явно меняли недавно.

Алиса остановилась, не дойдя до песочницы пары метров. Наблюдала за мной и не решалась подойти ближе.

Я села прямо на бортик, поставила ведёрко рядом.

— Знаешь, мне тут самой нравится, — говорю я, закапывая руки в песок. — Спокойно так. Обожаю возиться в песке. Очень успокаивает.

Алиса стояла, смотрела на песок. Потом медленно, очень осторожно ступила в него одной ногой. Замерла. Потом второй.

Я взяла совок и начала копать.

— Здесь будет башня, — объявила я. — Самая высокая. Чтобы принцесса могла наблюдать за звёздами. У твоей куклы, кстати, есть имя? А то я видела ту блондинку, которую ты расчёсывала. Красивая.

Алиса молчала. Но опустилась на корточки и взяла совок.

Мы копали. Я рассказывала про свою клинику, про деда, про то, как однажды на занятии один мальчик с ДЦП впервые сам поднял ложку и как его мама плакала от счастья. Алиса слушала. Иногда замирала, но потом снова начинала копать.

Через полчаса у нас получилось нечто, отдалённо напоминающее замок. Алиса сидела на корточках, вся перепачканная песком, и смотрела на творение.

— Красиво, — сказала я. — Настоящее произведение искусства. Прямо как в журналах с красивыми домами.

Она подняла на меня глаза. И улыбнулась, чуть-чуть, одними уголками губ.

У меня дыхание перехватило.

— Алиса... — начала я.

Я не слышала, как подъехала машина. Видимо, он вернулся незаметно.

И в этот момент раздался голос:

— Какого хрена вы тут делаете?

Я подняла голову.

Морозов стоял в двух шагах от песочницы. В деловом костюме, с перекошенным от злости лицом. Телефон он сжимал так, будто хотел раздавить.

— В смысле? — я непонимающе моргнула. — Гуляем.

— Я вижу, что гуляете. — Он шагнул ближе. — Кто тебе разрешил выводить её на улицу?

— Прости, разрешения не спросила. — Я встала, отряхивая джинсы. — Солнце же, тепло, я подумала, что ребёнку полезно подышать свежим воздухом. Ошиблась, видимо?

— Ты здесь вообще не для того, чтобы думать. — Он почти шипел. — Ты здесь, чтобы делать то, что я скажу. И выводить её куда-то без моего ведома не входит в список твоих обязанностей.

— Слушай, ты охренел? — Я шагнула к нему. Теперь мы стояли лицом к лицу. — Ребёнок столько времени просидел в четырёх стенах. Это, кстати, терапия. Если ты не заметил, Алисе здесь было весело.

— Я заметил, — отрезал он. — И именно поэтому ты сейчас всё испортишь.

— Чего испорчу-то? Объясни нормально, без этих твоих загадок.

Он не ответил. Подошёл к Алисе, которая сжалась в комок у песочницы, и взял её на руки.

— Идём в дом, — сказал он дочери, но смотрел при этом на меня. С такой злостью, будто я сделала что-то непростительное.

Алиса дёрнулась, протянула руку в мою сторону. Совсем чуть-чуть. Но я увидела.

Он тоже увидел. И побелел.

— Быстро в дом, — повторил он и почти бегом понёс её к двери.

Я осталась стоять в песочнице. Смотрела, как они скрываются за стеклянной дверью. Как пустеет сад. Как ветер шевелит песок, засыпая наш недостроенный замок. Взглянула на окна третьего этажа. И вдруг в одном из них мелькнула тень. Маленькая фигурка в розовой куртке. Алиса стояла у окна и не сводила с меня глаз.

— Дебил, — сказала я в пустоту. — Какой же ты дебил.

Визуализация 2

Дорогие читатели!

А теперь позвольте представить следующих героев.

Алиса. Семь лет. С того дня, как не стало мамы, она не сказала ни слова. Полтора года молчания. Но теперь, когда в их доме появилась Тая, по-тихоньку появилась надежда, что девочке можно помочь.

Варвара. Экономка в доме Морозовых. Она служила ещё Лизе, первой жене Леонида. Варвара не принимает новую хозяйку. И честно говорит об этом Тае в лицо. Для неё Таисия — чужая. Но Варвара - не враг, она искренне хочет счастья Алисе.

Марк. Уже десять лет является правой рукой Леонида Морозова. Телохранитель, водитель, человек, которому Лео доверяет как самому себе.

Глава 13

Птицы не ответили. Только где-то каркнула ворона.

Я просидела в саду ещё минут двадцать. Просто сидела на бортике песочницы, разглядывала замок, ведёрко, забытое в песке, совок, торчащий из башни. Солнце уже грело по-ноябрьски слабо, но всё ещё было тепло. Редкий день для конца осени.

Мужик психанул. Но почему? Потому что я вывела Алису без спроса? Херня. Он не из тех, кто заморачивается такими формальностями.

Потому что она потянулась ко мне? При нём?

Я вспомнила его лицо в тот момент, когда Алиса протянула руку. Там не было злости.

А что тогда?

За спиной захрустел гравий. Кто-то шёл по дорожке, не скрываясь.

Обернулась.

Марк. В своём неизменном сером пальто, с неизменным спокойным лицом. Остановился в паре метров, сунул руки в карманы.

— Таисия Сергеевна, — сказал он. — Вы чего тут мёрзнете?

— Размышляю, — буркнула я. — О том, какой ваш шеф мудак.

Марк усмехнулся. Подошёл ближе, встал рядом. От него пахло табаком и мятной жвачкой.

— Он не мудак. Он просто... — Марк запнулся, подбирая слова. — Он боится.

— Чего?

Марк задержал на мне взгляд на несколько секунд. Потом сказал:

— Вы знаете, что он сейчас сказал? Когда Алису уводил?

Я покачала головой.

— Он сказал: «Я боюсь, что Алиса к ней привыкнет».

Я молчала.

— Она за полтора года ни к кому не тянулась. Даже к нему. А к вам потянулась. Он это видит. И теперь у него в голове одно: она к вам привыкнет, а через год вы уйдёте. Контракт закончится, и вы свалите в закат. А она останется. Снова одна. Снова брошенная.

Мне нечего было сказать. В сотый раз задавая себе один и тот же вопрос: что не так с этим мужиком? Я же к его дочери — с теплом, с заботой. А он... Морозов. Станный, чёрствый, непробиваемый Морозов.

— Он не умеет это объяснять, — продолжил Марк. — Он вообще не умеет говорить о чувствах. У него вместо этого — агрессия, крики, тупые запреты. Но суть вы поняли.

— Ревнует, что ли? — спросила я.

— Ревнует. Только не вас. Её. Боится потерять ту маленькую ниточку, которая у них ещё есть. И боится, что вы эту ниточку перетянете на себя. А потом уйдёте, и она оборвётся.

— Понятно, — сказала я. — Спасибо, Марк.

— Не за что.

Он развернулся и пошёл к дому. Я осталась сидеть.

Провела так ещё минут десять. Потом встала, отряхнула джинсы от песка и направилась к двери.

Ревнует, значит. Боится. Ну я ему сейчас покажу, как со мной так разговаривать. И в терапию лезть. Я не какая-то там нанятая дура, которую можно послать и забыть. Я — профессионал. И если он хочет, чтобы его дочь заговорила, он будет делать так, как я скажу. А не носиться по саду с криками, как угорелый.

Я шла к дому и внутри всё кипело. Злость, обида, какая-то дикая смесь. Но где-то глубоко — страх. А вдруг он меня выгонит? Вдруг права Варвара, и он действительно опасен?

Остановилась у входной двери, перевела дух. Сделала шаг в дом.

Куртка упала на идеально чистый пол особняка. В другое время я бы постеснялась, подняла, извинилась. Сейчас мне было насрать. Злость перевешивала всё. В несколько шагов пересекла холл, взлетела по лестнице, прошла коридор второго этажа. Кабинет Морозова был в конце, тяжёлая дубовая дверь с бронзовой ручкой.

Я остановилась ровно на секунду. Выдохнула. Рванула ручку вниз и шагнула внутрь.

Кабинет был строгим, почти аскетичным. Ни одной лишней вещи. Книжный шкаф с ровными рядами томов — юриспруденция, психология, несколько книг на английском. На стене — дипломы, сертификаты. Ни одной фотографии. Ни жены, ни дочери. Будто он вырезал их из своей жизни, чтобы не так больно было.

Он сидел за столом. Перед ним раскрытый ноутбук. При моём появлении поднял голову.

— Я не звал.

— А мне плевать.

Подошла к столу. Встала напротив, упёрлась руками в столешницу. Дорогое дерево, гладкое, прохладное под ладонями.

— Что это было в саду?

— Ты вывела ребёнка без спроса. Я сказал, что так не пойдёт. Всё.

— Не ври. — Я смотрела прямо в его карие глаза. — Ты себя так повёл не из-за этого. И ты знаешь почему.

Он молчал. Я видела, как ходят желваки под кожей, как пальцы сжимаются в кулак и разжимаются снова.

— Боишься, что Алиса ко мне привяжется, — сказала я прямо. — Так?

— С чего ты взяла?

— Марк сказал.

Он дёрнулся. Скривился так, будто я ему в больной зуб ткнула.

— Марк много болтает.

— Он правду сказал. — Я не отступала. — Боишься. И поэтому решил, что лучше запечатать её снова в четырёх стенах, чем дать шанс.

Он встал. Медленно, тяжело. Теперь мы стояли друг напротив друга, разделённые только столом.

— Ты не понимаешь. — Голос низкий, уставший. — Ты здесь временно. Через год тебя не будет. А она останется. И если она привыкнет к тебе, если она тебя полюбит, а ты...

— Что я?

— Уйдёшь, — закончил он жёстко. — И ей снова будет больно. Снова. Я не хочу, чтобы моя дочь ещё раз через это проходила. Она уже потеряла мать. Ещё одну потерю она не переживёт.

— Думаешь, я смогу просто взять и уйти? — спросила я тихо.

— А что, нет? — усмехнулся он горько. — Контракт есть контракт. Ты получишь свою клинику, я — опеку. И разбежимся. Даже не оглянемся.

— С чего ты взял, что не оглянусь?

Повисла пауза. Он не отводил от меня глаз. Так долго, что я насчитала пять ударов пульса в висках.

— Я слышал, — признался он наконец. — Вчера. Твой разговор с Варварой. Последнюю фразу.

Я замерла. Вспомнила: вечер, закрытая дверь, рисунок Алисы под подушкой. Я достала его, разгладила на коленях и прошептала в пустоту: «Я помогу тебе, маленькая. Всё наладится».

— Подслушивал?

— Это мой дом. Я имею право знать, что в нём происходит.

— И что? — спросила я. — Что тебе не так?

— Мне не так, что ты тоже привязываешься. — Он обошёл стол. Остановился в шаге. — Ты с ней возишься, как с родной. Строишь эти чёртовы замки в песочнице. А через год что? Скажешь «пока» и уйдёшь?

— А ты бы хотел, чтобы я осталась?

Слова вылетели раньше, чем я успела их поймать. Повисла неловкая пауза.

— Я бы хотел, чтобы ты не делала ей больно. А остальное... неважно.

— Неважно? — Я усмехнулась. — Тогда какого хрена ты устроил этот цирк в саду? Если тебе неважно, почему сбежал с ней, как будто я чума?

Он молчал.

— Знаешь что, Леонид. — Я подалась вперёд. — Я понимаю, что ты боишься. Правда понимаю. Ты потерял жену, дочь потеряла мать, вы оба в трауре, в этом дерьме по уши. Но если будешь прятать Алису от всего мира, она никогда не выберется. Никогда.

— Я не прячу.

— Прячешь. Ты держишь её в этой комнате, как в клетке. Ни улицы, ни людей, ни жизни. Только ты и вечный страх, что кто-то причинит ей боль

— Я защищаю её.

— Ты душишь её, — отрезала я. — И себя заодно.

Он дёрнулся. И замер. Слишком напряжённо замер, как зверь перед атакой. Я чувствовала — сейчас будет взрыв.

Но он молчал.

— Я не собираюсь делать ей больно, — сказала я тише. — Ни сейчас, ни потом. Я здесь, чтобы помочь. И если дашь мне шанс, я помогу. Правда.

— А что дальше?

— Посмотрим. — Я пожала плечами. — Я не знаю, что будет через год. Никто не знает. Но сейчас она тянется ко мне. Улыбнулась. Ты это видел? Видел?

По его лицу пробежала судорога.

— Видел, — ответил он тихо. — Потому и испугался.

— Можно я задам тебе один вопрос?

— Валяй.

— Ты правда думаешь, что я брошу её? Просто возьму и уйду, как будто ничего не было?

— Не знаю, — ответил он через время. — Я ни в ком не уверен.

И в этих трёх словах было столько всего. Он не верит никому. Потому что та, кому он верил, умерла. Потому что те, кому он верил, предали. Потому что вера — это роскошь, которую он не может себе позволить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.